

Нестерова Светлана Николаевна

МИФОЛОГЕМА РЕБЕНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАНТЫЙСКОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена осмыслению мифологемы образа ребенка в произведениях хантыйской прозы. Выявлены приемы создания типов маленького героя, основанные на фольклорно-мифологических традициях хантыйского народа. Основное внимание в организации архетипа ребенка акцентируется на способах, применяемых писателями для формирования образа, который основан на сакрализации его мира. Дается обобщенная характеристика авторского виденья образа маленького героя, который представляется индивидуально-личностным мифом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 114-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Костенко Н. В.** Ценности и символы в массовой коммуникации. Киев: Наукова думка, 1993. 132 с.
5. **Наумов В. В.** «Мульти-культы» как способ уничтожения национального языка // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2011. № 4. С. 79-86.
6. **Рогозина И. В.** Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. М. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 289 с.
7. **Химик В. В.** Болезнь языка или язык болезни? // Современная русская речь: состояние и функционирование: сборник аналитических материалов / под ред. С. И. Богданова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во «Осипов», 2006. Вып. II. С. 47-74.
8. **Химик В. В.** Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование: сборник аналитических материалов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 7-66.
9. **Guilbert L.** Peut-on définir un concept de norme lexicale? // *Langue française*. Larousse, 1972. № 16. P. 29-48.

THE EXTRALINGUISTIC CAUSES OF THE LANGUAGE REDUCTION

Nezhina Larisa Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
The Moscow City Teachers' Training University
 lar.ren@mail.ru

The article examines the basic extralinguistic factors of the *vulgarization in the sphere of verbal communication*. The author analyses the causes of decline of the language norm of oral and written speech in connection with the Russian and French languages under the influence of mass media, because of the wide spread of the new communicative technologies, and also caused by geopolitical processes and key historical events.

Key words and phrases: decline of language norm; linguistic reduction; changing of conditions of language functioning; development of information technologies; public speech; creation of ethical stereotypes; vulgarization of the everyday sphere of communication; semantic adjustment; mass culture.

УДК 82-3

Филологические науки

Статья посвящена осмыслению мифологемы образа ребенка в произведениях хантыйской прозы. Выявлены приемы создания типов маленького героя, основанные на фольклорно-мифологических традициях хантыйского народа. Основное внимание в организации архетипа ребенка акцентируется на способах, применяемых писателями для формирования образа, который основан на сакрализации его мира. Дается обобщенная характеристика авторского виденья образа маленького героя, который представляется индивидуально-личностным мифом.

Ключевые слова и фразы: хантыйская проза; образ ребенка; мифологема образа; фольклорно-мифологические традиции; архетип ребенка.

Нестерова Светлана Николаевна

*Объединенная редакция национальных газет «Ханты санг» и «Луима сэрипос», г. Ханты-Мансийск
 nestsvn@mail.ru*

МИФОЛОГЕМА РЕБЕНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАНТЫЙСКОЙ ПРОЗЫ[©]

Ребенок – герой большинства прозаических произведений хантыйской литературы. Важный факт в создании персонажа кроется в отношении писателя к изображаемому маленькому герою: «образ несет в себе духовный заряд личности его создателя» [9, с. 225]. Каждый автор в отдельно взятом произведении основывает историю одного маленького героя. Важно выявить общие приемы, которые применяют писатели для создания образа ребенка, они в целом создают архетип ребенка.

На формирование образа ребенка, несомненно, повлияли фольклорно-мифологические традиции – это необычность его рождения и взросления, которые нашли отражение в сказках Г. Д. Лазарева «Ратпар-Хишпархо», Т. С. Чучелиной «Золотой город», «Мальчик-корешок», «Сказка о мальчике – хозяине лесной земли», «Эви-хон», М. К. Вагатовой «Пять слов, пять рассказов» и Р. П. Ругина «Ими Хилы и лесной людоед Ялань-Ики», «Людоедка Порнэ и Хилы», «Хилы и Менги», «Хилы Ленги».

Выделим факт чудотворного рождения героя. В сказке Т. С. Чучелиной «Золотой город» жили старик со старухой: «К старости родился у них сын. Назвали они его Микулем. Станный мальчик: не пьёт, не ест, не растёт, не умирает. Нянчат его старики по очереди да маются» [15, с. 12]. Другой пример из сказки «Мальчик корешок»: «"Дай вырву еще корешок". Вытянула корешок из ила, видит – похож он на маленького-маленького мальчика. Вымыла его Маньсь Нэ, бережно положила в корзину и принесла домой. Дома сплела она из бересты люльку, сшила из ленты рубашку. Одеда корешок, уложила в постельку и стала качать. Качала она, качала люльку и вдруг услышала плач ребенка. Глянула – корешок ожил» [Там же, с. 18].

По закономерностям сказок при необычном рождении даже маленькие и хилые дети очень быстро вырастают, обладают необычной силой и в дальнейшем становятся богатырями: «маленький Микуль не умер. Стал он крепнуть не по дням, а по часам. Ест да бегаёт, пьёт да прыгает» [Там же, с. 13]. В сказке «Мальчик корешок»: «Стал мальчик Корешок быстро расти. Вот он уже на ножки встал, во двор выскочил. Сам мастерит себе лук и стрелы, колет дрова и в дом несёт их» [Там же, с. 18]. Во-вторых, наступает период, когда мальчик покидает родителей. По мнению С. А. Поповой, герой уходит за пределы дома, у него наступает второй возраст, когда необходимо пройти обряд инициации и получить статус посвящённого [12, с. 110]. В данном случае мы можем подтвердить мнением В. Я. Проппа, на которое ссылается В. П. Аникин: «...волшебные сказки и в своей поздней жанровой структуре многое сохранили от связи с обрядом инициации» [3, с. 100]. За пределами «чужого мира» он проходит испытание – обряд посвящения в следующий этап – становление мужичиной. Безусловно, это нашло свое отражение в изображении ребенка в прозаических произведениях. В основе современных персонажей лежит архетип, который играет смыслообразующую роль, его реализация возможна только через мифологемы, которые призваны показать авторское виденье мира.

Представим первый тип – ребенок и игра, который наблюдаем в рассказах Г. Д. Лазарева «Микуль и его друзья», «Сорненг лов», «Шуба», в произведениях Р. П. Ругина «По следу», «На нерестовой реке», «Счастливые деньки на Шум-Югане», «След левши», «Ранний ледостав», в повести Е. Д. Айпина «Я слушаю Землю». Герои изображены в процессе игр, но эти игры – копирование занятий взрослых. Дети подражают и становятся такими, как взрослые.

Мальчик Сандр – самый младший из поколения Остиных в рассказе Г. Д. Лазарева «Золотой конь». Писатель изображает его уважающим старших, готовым прийти деду на помощь. Лазарев изобразил принцип, по которому должны строиться семейные отношения и как должен воспитываться ребенок. Основное правило подготовки к самостоятельной жизни – создание игровой ситуации. Одновременно с подчинением обычному сложившемуся укладу жизни дети легко воспринимают новые перемены, это помогает в дальнейшем ребёнку легко войти во взрослую жизнь. Подтвердим это высказыванием Т. А. Апинян: «...игра, как в детстве, остаётся ведущей формой жизнедеятельности, компенсирует ограниченность и недостатки реальной жизни. Но она становится другой. Отступает игра как вид деятельности, сохраняется игра как тип поведения, тип сознания» [4, с. 93]. Взрослый выступает в ребенке духовные ценности и будущую сознательную деятельность, он создает мир, в котором он объясняет и показывает образцы для подражания. Наблюдательное участие детей в деятельности взрослых – это не только получение опыта, но и основы правил жизни. Именно такие произведения хантыйских прозаиков призваны приблизить детей к осознанию жизненных приоритетов.

Основу произведения составляют случаи, имеющие значимое влияние на дальнейшую жизнь маленького героя. Пространство произведения имеет ограниченность во временном промежутке, тем самым подтверждает факт быстро свершившихся событий. Они уже произошли, словно писатели уже сожалеют, что не повторится это время. Приведем пример из повести Р. П. Ругина «Веселые деньки на Шум-Югане»: «Унтари было скис, но он не умел огорчаться надолго. Уже через две минуты ребята дружно играли в снежки...

Да, счастливые летние деньки на Шум-Югане кончились.

Кончились, чтобы навсегда остаться в их памяти» [13, с. 161].

Возможно, это причина открытого изображения героя с его переживаниями, горестями, размышлениями и радостями. Н. Цымбалистенко утверждает, что «миф – это образ детства, миф – это образ ребенка... Важнейшее место в этой структуре занимает мифологема детства» [14, с. 179]. Детство как прием к формированию в дальнейшем образа мужчины. По этой причине мир ребенка перестает быть закрытым, недоступным для других. Важнейшая функция – показать жизненное пространство ребенка. С одной стороны, жизненное пространство литературного героя изолировано от внешнего большого мира, он находится в периметре, где он участник только личных событий, а с другой – этот мир открыт, каждый может заглянуть в него, узнать о жизни ребенка через произведения хантыйских писателей.

Совершенно иной тип – ребенок как эталон – представлен в произведениях Е. Д. Айпина «В тени старого кедра», «У гаснущего очага». К этому типу мы можем отнести и Опуня, героя повести Р. П. Ругина «Ранний ледостав». Безусловно, писатели изображают жизнь маленького человека в закрытом пространстве, в его небольшом мире, но этот мир полон событий, и он не кажется маленьким и изолированным. В произведениях Е. Айпин изображает образец поведения хантыйского мальчика. Он создает эталонный персонаж, в этом, на наш взгляд, его главное отличие от героев произведений Г. Д. Лазарева и Р. П. Ругина.

Надо отметить, что они, как герои сказок, живут в традиционной среде. Но, в отличие от сказок, герои повестей находятся в реалиях жизни. Современные произведения хантыйских писателей – на наш взгляд, новая форма сказки. Фольклорную сказку трактуют как «зашифрованное знание человека о том, как ему выжить» [8, с. 107]. Художественные произведения призваны решать эту задачу. В них мы должны найти ответ своим трудностям, переживаниям. И не случайно писатель в самом начале повести «У гаснущего очага» словно направляет читателя к осознанию себя и задаёт своему герою жизненную позицию: «И получило я счастливое имя моего деда по Отцу – Роман. Его имя отдали мне затем, чтобы я вырос таким же благородным, отважным и сильным, каким был мой Дед» [2, с. 11]. Основная задача – показать ориентиры, способствующие дальнейшей благополучной жизни. Исследователь по этнопедагогике О. А. Кравченко подчеркивает: «Главным воспитывающим фактором является среда, в которой ребенок рос и развивался» [8, с. 134].

Кроме того, по мнению Н. Качмазовой, писатель показывает аналитические осмысления происходящего взрослым рассказчиком. В этом принципе заключается идеализация личности [7, с. 103]. Приведем пример: «Но прошли годы. И, повзрослев, я понял, что нет во мне той богатырской отваги, того благородства, чем был

знаменит мой Дед. Нет во мне мудрости и удивительного жизнелюбия моего столетнего Крестного, старца Ефрема. Нет во мне той гармонии и того жизнепонимания, что были присущи моему Отцу и моей Матери, дяде Василию и многим другим родственникам моим. Но с годами все острее становится память о счастливом детстве...

К сожалению, поняв это, осознаешь и другое: многие уже оставили нашу землю. И теперь лишь изредка, остановившись на миг, в суете сует с запоздалой болью извлекаешь из глубин памяти поучительные мгновения жизни наших предков...» [2, с. 12].

Произведение «У гаснущего очага» писатель начинает днем обретения, когда маленький герой пришел на эту Землю. По фольклорным традициям, дети, пришедшие на Землю с миссией, становятся ее покровителем, защитником: «Я пришел на Землю в самый долгий день года. Быть может, поэтому мне кажется, что я помню себя со дня своего рождения» [Там же, с. 10]. Появление в такой день предопределило судьбу главного героя. Перед ним начало всего, начало долгой жизни, начало исканий, начало творений.

В повестях «Я слушаю Землю» и «У гаснущего очага» наблюдаем период детства ребенка, писатель каждый его день изображает в познании мира. И чем больше он узнаёт о происходящем вокруг себя, тем сильнее у него возникает потребность выйти за пределы дома. Первые выходы за пределы дома хантыйского мальчика мы можем проследить на примере повести Е. Айпина «В тени старого кедра». А выходы за пределы своего мира даются герою, чтобы он испытал себя, открыл в себе новые качества способности. Познав себя, по мнению исследователей, он возвращается изменившимся [Там же, с. 109].

Третий тип – ребенок как символ созидания – представлен в повести Т. А. Молдановой «“Средний мир” Анны из Маланга» и в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Писатели показали трагическую судьбу детей, за жизнь которых борются женщины, главные героини, в минуты отчаяния.

В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» Е. Д. Айпин изображает не только детей, а еще и знаки – традиционные орнаменты – на их одежде. Это довольно мимолетное описание, когда вся семья подверглась опасности на дороге: «Машинально отметила: вот Мариина шубка – на ней орнамент “заячье ушко”, сама вырезала и шила. А вот Анин узор, называется “спинка соболя”. Значит, они рядом, это хорошо...» [1, с. 68-69]. Вера Саввична через орнаментированную одежду проецировала долгую и счастливую жизнь своим дочерям. Чтобы раскрыть замысел автора по изображению детей, обратимся к мнению этнографа Т. А. Молдановой: «Орнаментальные названия, в большинстве, – это стойкие словесные формулы» [10, с. 9]. Для раскрытия смысла, как правило, привлекаются «религиозно-мифологические представления, а также устойчивые фольклорные и бытовые выражения, так как в их основе – одна и та же система представлений о мире» [Там же]. Значение узоров – этому подтверждение. Шубка Марии – с изображением узора «заячьи уши». С обликом зайца соотносится женский дух, в нем предстает богиня Калтац, которой поклоняются ханты, живущие на Малой Оби [Там же]. Это богиня деторождения. В образе соболя персонифицировалась Казымская богиня, отличающаяся своим нравом и характером. Женщины этой территории сильны духом и выносливы. Такой Вере Саввичне виделась Анна.

Примечательно, что и других персонажей – детей царской семьи государя российского – писатель также представил через орнаментальные мотивы, несущие символическое значение. Княжна Ольга, старшая дочь, – «ветка большой березы», княжна Татьяна – «ветка березы», княжна Мария – «рог оленя», княжна Анастасия, младшая дочь, – «заячьи уши». Орнаментированное изображение навеяно рассказами Белого, находившегося довольно продолжительное время в доме Веры Саввичны. Княжна Ольга предстала в символе «ветка большой березы», а княжна Татьяна – «ветка березы». Основное отличие первого узора в том, что Ольга была старшей дочерью. Характерная особенность орнамента в его приеме «дальше продолжить», это «возможность развития» [Там же, с. 96].

Княжна Мария предстаёт в образе «рога оленя». Узор оленя символизирует землю [Там же, с. 161]. Это подразумевает осмысление прошлого для будущего и настоящего человека, который находится в начале пути. В княжне, по замыслу автора, «начинается сакрализация прежней родины» [Там же]. Детям царской семьи должны были организовать убежище, что в дальнейшем сделать не успели.

Вера Саввична пыталась спроецировать девочкам долгую дорогу жизни, она пыталась возвести их в ранг святых, поэтому и изобразила их символами. Находим подтверждение в изображении иконы, которую нарисовал Белый для часовни. Вера Саввична была обеспокоена столь точным сходством: «Матерь Детей была поражена и встревожена тем, что в иконах, писанных то ли острием ножа, то ли отваром травы, то ли кровью, проступали образы ее милых детей – и дочерей, и сыновей. <...> Почему так получилось? Неужели и ее семью, ее близких ждет такая же мученическая кончина?! Но потом она постаралась отогнать эту тревожную мысль» [1, с. 118]. Она уже провела параллель между детьми. Писатель словно подает ей знак, чтобы она с мужеством перенесла тяжелую утрату своих детей. Происходит канонизация не только царской семьи, но и семьи Веры Саввичны. Айпин возводит детей, трагично ушедших в иной мир, в ранг святых.

Т. А. Молданова в повести «“Средний мир” Анны из Маланга» больше внимания уделила девочкам, особое место среди них занимает Татьяна. И не случайно повествование о ней начинается словами: «Сердце дрожало. Анна не могла, как всегда, беседовать с Тут-ими и ждать, когда закипит чайник и проснется её странная семилетняя дочь Татьяна» [11, с. 64]. Эпитет «странная» предполагает совсем иную сторону и отражает не характер, а способность, которую имеет эта девочка. Анна уже сейчас в девочке разглядела «силу шаманскую». Такая ситуация – закономерность в хантыйской культуре, именно в детском возрасте можно проследить явные способности ребёнка.

Писатель изображает уход Татьяны из Среднего мира: «Ушла Татьяна, напроць захлопнула за собой чёрную пропасть в душе Анны. Огнём любви согрела умирающая девочка сердце матери, отступил холод. Анна

смотрела на мир глазами дочери. Ушла Татьяна, Боль оставила. Не боль отчаяния, а Боль созидающую, Боль рождающую, Боль понимающую. Великое чудо негибимой любви к детям вызревало в Анне» [Там же, с. 76]. Татьяна взяла на себя все боли и беды, попыталась облегчить жизнь своих оставшихся близких. В подтверждение приведём слова самой Анны: «...чужими бедами живёшь, чужой болью страдаешь. За других сердце твоё горит, за других душа твоя чистая пылает» [Там же, с. 73]. Татьяна явилась спасителем. Ценой человеческой жизни она выполнила эту функцию, предназначанную ей судьбой: «Не простую судьбу, видно, при рождении ей нарекли» [Там же, с. 64]. После ухода дочери в Нижний мир Анна почувствовала в себе силы бороться и преодолевать все трудности. Анна осознавала, что Татьяна пыталась собой, своей жизнью закрыть дыру в Нижний мир. Как показывает дальнейшее развитие событий, этого не получилась. Не стало и других детей Анны. Не может ребенок предотвратить процессы, происходящие вокруг.

Борьба за жизнь детей стала главным стимулом Анны в «грозовой полосе жизни»: «Внимательно наблюдала мать, чтобы каждый из её живых детей правильно переступил через живой огонь, живую веточку, тем самым отгородился от Нижнего мира, от мира мёртвых. Она не хотела больше терять детей» [Там же, с. 86-87]. Анна ставила чёткую грань, отделяя живых детей. Она пыталась закрыть границы миров, в этом ей никто не мог помочь: «Перед лицом Вселенной, на ладони Всеобщей Матери сидели голодные дети, рыдала девочка, и Земля такая же беспомощная, как все, глотала слёзы» [Там же, с. 87]. Сколько страшных злодеяний совершено на земле. Мув анжки 'Земля мать', как живое существо, страдала вместе со всеми.

Итак, писатели изобразили маленьких героев через определенные мифологемы: ребенок и игра; ребенок как эталон; ребенок как символ созидания. Следует отметить, что мир детей маленький и изолированный, но он насыщен различными событиями. Писатели выводят маленьких героев из сакрального мира, к которому они принадлежат, где они чувствуют себя гармонично. Очевидно, ребенок в традиционной культуре принимает условия жизни взрослого человека и подчиняется правилам и установкам окружающего мира. Мы согласны с мнением Н. В. Цымбалистенко, что миф – это образ ребенка [14, с. 179]. Этот миф создает писатель, и он индивидуален для каждого маленького героя произведения. Такой персонаж – уже личность в своем маленьком мире. Писатели создают авторскую концепцию бытия ребенка, опираясь на фундаментальные основы архетипа.

Список литературы

1. Айпин Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. Екатеринбург: Изд. дом «Пакрус», 2002. 304 с.
2. Айпин Е. Д. У гаснущего очага: повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург – М.: Сред.-Урал. кн. изд-во; ЗАО «Фактория Арктики», 1998. 256 с.
3. Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций. М.: КДУ, 2004. 432 с.
4. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 400 с.
5. Григорий Лазарев: страницы жизни и творчества: сборник / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. Е. С. Роговер. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2013. 280 с.
6. Искусство исцеления души / Е. П. Кораблина, И. А. Акиндинова, А. А. Баканова, А. М. Родина. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена; Союз, 2001. 320 с.
7. Качмазова Н. Динамика жизни – эволюция стиля // Хантыйская литература: сборник. М.: Лит. Россия, 2002. С. 100-112.
8. Кравченко О. А. Этносоциопедагогика казымских хантов. СПб.: ООО «Мирал», 2007. 160 с.
9. Крупчанов Л. М. Теория литературы: учебник. М.: Флинта; Наука, 2012. 360 с.
10. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 261 с.
11. Молданова Т. А. «Средний мир» Анны из Маланга: повесть // Северная книга. Томск, 1993. С. 61-93.
12. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
13. Ругин Р. П. Счастливые деньки на Шум-Югане // Хантыйская литература: учеб. хрестоматия: в 4-х ч. / сост. Е. В. Косинцева. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. Ч. 3. С. 96-161.
14. Цымбалистенко Н. Утрата корней: специфика мироощущения народов Севера и её художественное воплощение в творчестве Романа Ругина // Хантыйская литература: сборник. М.: Лит. Россия, 2002. С. 179-190.
15. Чучелина Т. С. Сказки Югры. М.: Изд-во «Русло», 1995. 176 с.

MYTHOLOGEME OF CHILD IN WORKS OF KHANTY PROSE

Nesterova Svetlana Nikolaevna

United editors of national newspapers "Khanty Sang" and "Luima seripos", Khanty-Mansiysk
nestsvn@mail.ru

The article is devoted to the consideration of mythologemes of child's image in the works of the Khanty prose. The techniques for creating a small hero types are identified, basing on folklore and mythological traditions of the Khanty people. Special attention of the child's archetype is paid to the methods used by writers to form an image, which is based on the sacralization of his world. The generalized description of the author's vision of a small hero's image, which is presented as an individually-personal myth, is given.

Key words and phrases: the Khanty prose; image of child; mythologeme of image; folklore and mythological traditions; archetype of child.